

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА

О. С. Иоффе*

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРАВЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

1. *К истории вопроса.* Теория хозяйственного права родилась в странах Западной Европы в результате экономических трудностей, обусловленных первой мировой войной. Эти трудности отрицательно сказались на свободе экономической деятельности, обеспеченной гражданским (частным) правом. Война и ее последствия вынудили в значительной мере заменить хозяйственную инициативу типизированным регулированием и понуждением к установлению имущественных правоотношений. В малых странах (например в Швейцарии) подобными трудностями можно было пренебречь. То же самое по понятным причинам наблюдалось и в странах прецедентного права (США, Великобритания). Не испытывала такой необходимости также Россия, гражданское законодательство которой лишь в конце XIX — начале XX столетия становится объектом кодификации.

Напротив, Франция и особенно Германия, вышедшие из войны экономически истощенными, не могли полагаться на привычные гражданско-правовые формы, и потому юридическая наука этих стран обратилась к теоретическому обоснованию отступления от прежних тенденций. Эти отступления заключались, во-первых, в создании правовых норм и еще в большей степени в разработке теоретических концепций, неведомых гражданскому праву, и, во-вторых, в подчинении указанных норм общей части гражданских кодексов в случае пробелов. Именовались названные нововведения по-разному, но, в конце концов, стал привычным термин «хозяйственное право». Оно не объявлялось отдельной отраслью права, а рассматривалось как особое ответвление гражданского права, предназначенное для первоочередного применения к соответствующим имущественным отношениям, а при отсутствии в нем необходимых правил в действие вступало общегражданское регулирование. Когда европейская экономика стабилизировалась, хозяйственное право постепенно вышло из употребления и даже в научной терминологии встречалось в виде исключения.

© Иоффе О. С., 2006

* доктор юридических наук, профессор

После Октябрьского переворота в России гражданское право вместе с его кодификацией явилось результатом перехода от военного коммунизма (прямой продуктообмен) к нэпу (товарное обращение). Но одновременно с провозглашением нэпа вводятся существенные его ограничения, включая постепенный переход к общему планированию, соединенному в дальнейшем с планированием индивидуальным.

Рассуждая объективно, планирование появилось вообще и становилось тем жестче, чем значительней экономика страны приобретала характер экономики недостатков и чем меньше сохранялось ресурсов для удовлетворения общих, а потом и первоочередных потребностей. Ни Ленин, ни поначалу даже Сталин этого не отрицали. Но позднее из показателя нищеты официальная пропаганда переводит планирование в разряд важных преимуществ сперва советской, а впоследствии «социалистической» системы. Утверждалось, что благодаря ему в стране нет кризиса, ликвидирована безработица, обеспечены равномерное распределение материальных благ и удовлетворение всеобщих потребностей в разумных пределах взамен классовой дифференциации между различными социальными группами. Эти пропагандистские лозунги повторялись, несмотря на их вопиющее несоответствие действительности (голод конца 20-х — начала 30-х гг., карточная система, низкая заработная плата и др.). В разгар подобных пропагандистских вывертов в системе советского права происходит замена «буржуазного» гражданского права «новым», хозяйственным правом. Последнее в теоретических разработках сохранило состав былого гражданского права с резким сокращением характеристики прав граждан и заполнением учебной литературы описанием производственно-технических проблем. К тому же возвеличение социализма, в противовес капитализму, теперь дополняется противопоставлением «буржуазному» гражданскому праву «социалистического» хозяйственного права, хотя под псевдонимом хозяйственного права продолжало действовать гражданское право, уменьшенное в своем составе лишь за счет выделения семейного права.

Такое положение существовало до 1937-1938 гг., когда Сталин инициировал экстремальные репрессии, жертвами которых становятся также видные ученые, обвиненные во вредительстве на правовом фронте в форме пропаганды хозяйственного права и обусловленной этим ошибочной перестройки системы советского права. Некоторые из них, дожив до реабилитации, проведенной по инициативе Н. С. Хрущева, вернулись к работе. Изредка кое-кто из реабилитированных пытался свалить вину за пережитую несправедливость на тех, кто ратовал за восстановление гражданского права. Эту линию отстаивал, например, Л. Я. Гинцбург, редактор двухтомного учебника хозяйственного права 1935 г. В одном из выступлений на ученом совете ИГПАН СССР он заявил об этом во всеулышание.

Между тем, ни обвинение «хозяйственников» во вредительстве, ни подозрение цивилистов в злонамеренности по отношению к ним не имеют под собой никаких оснований.

Первым Всесоюзным совещанием ученых-юристов 1938 г. руководил А. Я. Вышинский — главный исполнитель чудовищных злодеяний Сталина, Генеральный прокурор СССР, уже санкционировавший гибель ведущих «хозяйственников» прежде, чем совещание подтвердило упразднение хозяйственного права и реабилитацию гражданского права с изъятием из него семейного права. Ученые, избежавшие репрессий, — как «хозяйственники», так и цивилисты, не могли публиковаться в те тяжелые годы, если они не отрещивались от «вредителей». Да и ввели в научные споры кулачные интонации сперва «хозяйственники», а потом, хотя и несравненно более цивилизованным, этим методом воспользовались и цивилисты. Процесс освобождения от несовместимого с наукой языка продолжается с переменным успехом и ныне. От него должны полностью избавиться и те, и другие.

Возвращаясь, однако, к истории, можно констатировать, что она отмечается кратковременным господством концепции хозяйственного права и заменой ее путем реставрации гражданского права.

Отечественная война прервала этот процесс. Однако еще до ее окончания, в 1944 году, появляется один из лучших учебников гражданского права в 2-х томах под редакцией М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. По времени это совпало с началом небывалого расцвета юриспруденции в СССР, завершившимся в 1957 году дискуссией о системе советского права, когда вновь развернулась очередная, вторая по счету, дискуссия о хозяйственном праве.

Поначалу эту дискуссию развивали юристы поколения студентов времен первой хозяйственно-правовой концепции (Г. А. Аксененко, И. В. Павлов, В. С. Тадевосян и др.). Их аргументы, однако, мало впечатляли, так как основывались не столько на логике, сколько на радужных эмоциях ушедшей молодости. Но вот в конце 50-х годов появляется проект Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, обращенный и к гражданам, и к организациям, а рамки дискуссии к тому времени расширились благодаря включению в нее ученых молодого поколения. Теорию хозяйственного права подхватили в Москве (Т. Е. Абова, З. М. Заменгоф, В. В. Лаптев и др.) и в Украине (В. К. Макутов, И. Г. Побирченко и др.). Отдельные голоса в ее защиту раздавались в Ленинграде, Грузии и некоторых других местах. Выдвигается и определенная система аргументов в обоснование упомянутой теории. «Хозяйственники» ставят себе в заслугу образование кафедры хозяйственного права и выделение одноименной научной специализации, появление журнала «Хозяйство и право» и литературных источников с соответствующими наименованиями.

Но, странным образом, названные кафедры и секторы НИИ имеют противоположную направленность в различных юридических вузах: либо хозяйственно-правовую (например, соответствующий сектор ИГПАН), либо гражданско-правовую (например, кафедра хозяйственного права в Екатеринбурге). Что же касается образованных в условиях того времени новых научно-исследовательских институтов, то они именовались институтами *частного*, т. е. гражданского права. Журнал имеет своим названием не «хозяйственное право», а «Хозяйство и право», и печатаются в нем как «хозяйственники», так и цивилисты. Курсы лекций по хозяйственно-правовой тематике читались и раньше, например выдающимся цивилистом А. В. Бенедиктовым (Организация промышленности в СССР), а специализация в области хозяйственного законодательства (но не отрасли права) никем не отрицалась, и появление ее в перечне ВАК для защиты диссертаций лишено какого-либо доказательственного значения.

Возникает вопрос: чем вызывается подобная двойственность? Почему различные хозяйственно-правовые образования свидетельствуют одновременно в пользу как сохранения целостности гражданского права, так и поддержки создания хозяйственного права? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно воспроизвести новую, «вторую», концепцию хозяйственного права в виде, по крайней мере, основных ее посылок.

II. Теоретические послылки современного хозяйственного права. Чтобы дать читателю возможность проверить объективную правильность моего изложения главных посылок современной концепции хозяйственного права, приведу перечень важнейших работ ее сторонников¹. Сошлюсь также на критико-аналитические выступления противников этой концепции².

Исходные положения второй концепции хозяйственного права заключаются в его приурочении только к организациям, но не к гражданам. При этом даже организации первоначально включались в сферу хозяйственного права в пределах госорганов.

¹ Теоретические проблемы хозяйственного права / Под ред. В. В. Лаптева. — М., 1975; Макутов В. Понятийно-правовая эквилибристика не может заменить предметного исследования // Хозяйство и право. — 2001. — № 8. — С. 14-16; Хозяйственное право: Учебник / Под ред. В. К. Макутова. — К.: Юринком Интер, 2002.

² См.: Иоффе О. С., Красавчиков О. Л. О критике науки и научности критики // Избранные труды по гражданскому праву. — М.: Статут. — С. 742-758. Суханов Е., Маковский А. Еще раз о хозяйственном праве, текущем моменте и об ошибках т. Макутова // Хозяйство и право. — 2001. — № 8. — С. 17-23. Брагинский М. М. О месте гражданского права в системе «право публичное — право частное» // Проблемы современного гражданского права / Под ред. В. Н. Литовкина, В. А. Рахмиловича. — М.: Городец, 2000.

Только впоследствии к ним были присоединены кооперативные, кроме колхозов, и общественные организации в той мере, в какой они осуществляли хозяйственную деятельность. Сообразно с этим предлагалось изъять соответствующие юридические нормы из гражданского и административного права, переключив их в право хозяйственное.

Если бы такая концепция была принята законодателем, впервые образовалась бы правовая отрасль без участия граждан, обнимающая только (да и то не все) организации.

Эта позиция оправдывалась не только теоретически, но и серьезными практическими действиями ее сторонников. Когда был разослан для обсуждения проект Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, принятый в 1961 году законодателем с внесением необходимых изменений, В. В. Лаптев принес в ВИЮН на обсуждение перепечатанную часть проекта, которая касалась только организаций и не затрагивала граждан. В последней части проект остался в сфере гражданского права. Разработанные им же или группой авторов с его участием проекты хозяйственных кодексов были построены в соответствии с тождественными взглядами.

Зачем понадобилось такое дробление сложившейся в стране правовой системы? Административное и гражданское право развивались до тех пор путем разработки максимально общих категорий для совокупности норм каждой из этих отраслей права. А если использовать их соответствующие части для формирования еще одной, третьей, отрасли права, какой бы оказалась судьба достигнутых обобщений вследствие подобной дифференциации? Ими нужно было бы пожертвовать ради существенной раздробленности, повернув науку вспять от достигнутого ею прогресса.

Но, может быть, регресс в этом отношении компенсировался бы новыми достижениями применительно к субъектам выделенного хозяйственного права? При подобной реформе появились бы также субъекты хозяйственного права. Но что бы они добавили к уже существующим субъектам гражданского и административного права?

Решение этого вопроса создавало непреодолимые трудности для самой обсуждаемой концепции. Она строилась так, чтобы полностью вытравить из нее следы гражданского права. Но как это сделать, если государственные организации, осуществляющие хозяйственную деятельность, уже приобрели гражданскую правосубъектность вследствие их имущественной самостоятельности? Пришлось изобрести категорию хозяйственной правосубъектности в тройственном разрезе: межхозяйственные связи (предприятие — предприятие), внешнехозяйственные связи (предприятие — орган управления) и внутрихозяйственные связи (предприятие — цех, цех и цех внутри предприятия).

Нетрудно, однако, заметить, что межхозяйственные связи (предприятие — предприятие) — это переименованные гражданские правоотношения, внешнехозяйственные связи (предприятие — орган управления) — это переименованные административные правоотношения, а внутрихозяйственные связи — это отчасти административные правоотношения (цех — предприятие), а в другой части (цех и цех внутри предприятия) — чистейшая выдумка, ибо цехи состоят в административных правоотношениях с администрацией предприятий и не находятся в каких-либо взаимных правоотношениях, а соединяются лишь производственно-техническими отношениями. Юридические контакты между цехами зиждутся не на правах и обязанностях (внутрихозяйственная поставка — еще одна игра, придуманная по гражданско-правовому сценарию в виде хозяйственно-правовых мультипликаций), а на том, что выдающийся немецкий юрист XIX века Рудольф Иеринг называл рефлексией права, и что ввиду его пролетарского происхождения было начисто вычеркнуто из советского правоведения. А зря! Рефлексия права позволяет обрисовать более широкую сферу действия права, чем одни только правоотношения.

Пассажиры, сидящие в автобусе на передних местах, но не пользующиеся подобными льготами, обязаны уступить эти места вошедшим инвалидам в силу распорядка, установленного

автобусным парком. И те, и другие состоят в правоотношениях не друг с другом, а с автобусным парком. У вошедших инвалидов есть не права, а рефлексы их прав перед парком относительно сидящих пассажиров. Но поскольку такие рефлексы юридически защищены охраной названных прав, инвалиды могут требовать освободить места у тех, кто их фактически занимает.

То же самое наблюдается и в межцеховых отношениях. Цехи, все без исключения, подчиняются не друг другу, а только администрации предприятия. Она определяет последовательность межцехового движения производимого изделия. В соответствии с этим, а не по договорам поставки, цехи, опираясь на рефлексы своих прав, получают производимые изделия один от другого.

Одновременно с гражданской правосубъектностью из хозяйственного права была также исключена гражданская право-, дееспособность. Вместо нее используется другой термин — компетенция. Ну что же, органы управления как органы власти имеют свою компетенцию. А предприятия? Они никем не управляют или, точнее, управляют сами собой. Какая же у них может быть компетенция? А для того и потребовались внутрихозяйственные правоотношения, чтобы предприятие также было «компетентным», т. е. управляющим не только собой. Но цех уже наверняка никем не управляет, и его «компетенция» звучит скорее как конфуз, нежели как приемлемый термин. «Хозяйственники», однако, на это не реагируют, объявляя компетенцию таким же общим понятием для всех видов хозяйственно-правовой правосубъектности, каким право-, дееспособность служит для всех ее гражданско-правовых видов. Остается только непонятным, даже отвлекаясь от призрачной компетенции цеха, как образовать подобное, если три вида компетенции существенно друг от друга отличаются: одна существует «внешне», другая — «между», третья — «внутри». Недаром, вместо общего понятия, в хозяйственно-правовой литературе появляется сказанный скороговоркой тройственный перечень.

К нему в дальнейшем присоединяется еще один, пожалуй, наиболее удивительный тройственный перечень под именем управление имуществом. Еще А. В. Венедиктов, вводя термин «оперативное управление», предостерегал от ошибочного смешения с административным управлением: первое обрисовывает права государственных предприятий на выделенную им часть государственного имущества, а второе осуществляется посредством властных действий органов государственного управления. Когда же оперативное управление было заменено хозяйственным ведением для имущества, предоставляемого государственным предприятиям, исчезло даже словесное сходство между ним и административным управлением. Но какое это может иметь значение для созидания новой отрасли права? Раз она создана, нужны и цементирующие ее обобщения. Ведь есть же какое-то имущество не только у предприятий, но и у цехов, не говоря уже об административных органах. Коренное различие их правовых оснований не устранил их общности — пусть эта общность выражается категорией управления. Так, однако, не строится наука! Ну и пусть. А мы, «хозяйственники», именно так и будем ее строить!

К изложенным доводам хозяйственно-правовая литература в дальнейшем присоединяет еще один, едва ли не самый существенный довод: неразрывность плановых (вертикальных) и договорных (горизонтальных) отношений в социалистическом хозяйстве. В этом, дескать, состоит прогрессивное качество социализма, не замеченное цивилистами и превозносимое «хозяйственниками». В действительности, однако, пытаясь спасти договор как воистину важный инструмент хозяйствования, цивилисты, начиная со времен М. М. Агаркова, отстаивали теорию сложного фактического состава — план плюс договор, Р. О. Халфина шла еще дальше, утверждая, что не план вместе с договором, а сам договор, хотя и предуказанный планом, служит основанием обязательственных отношений между хозяйственными организациями в СССР.

Все это снимается со счетов. Какое бы недоумение ни вызывали их аргументы, «хозяйственники» настаивают на своем: так держать! Мало ли, что логические пределы самих понятий

субъекта права, оперативного управления или тем более полного хозяйственного ведения имуществом не допускают их переноса в другую отрасль права. Это-де цивилисты говорят. А вы найдите другие аргументы, раз вы «хозяйственники». Не можете? Ну, значит, плохие хозяйственники!

Как бы, однако, ни выражалась «меж» хозяйственно-цивилистическая или «внутрихозяйственная» перебранка, не подлежит сомнению, что исходные посылки хозяйственно-правовой концепции не выдерживают критической проверки. Необходимо также подчеркнуть, что эта концепция сопровождается большим ущербом, нанесенным юридической науке и законодательной практике.

Важным достижением довоенного правоведения была разработка двух критериев построения правовой системы: предмет регулирования, т. е. регулируемые каждой отраслью права специфические отношения, и метод регулирования, т. е. тот способ правового воздействия на эти отношения, какой их природой обуславливается. Правда, и при этих обстоятельствах в признании численности разных отраслей могут быть разногласия. Например, я (вместе с М. Д. Шаргородским)³ признаю лишь такие отрасли права, как государственное, административное, уголовное, гражданское и процессуальное (гражданско-правовое и уголовно-правовое). Многие другие авторы также выделяли право семейное, земельное, трудовое, колхозное, забывая о различии между отраслями права и отраслями законодательства: право делится на отрасли по объективной природе юридических норм, а законодательство — по классификационному признаку, субъективно избранному законодателем. Устраняются подобные разногласия относительно просто: следует лишь установить, где есть единство предмета и метода регулирования, а где его нет, и не подменять этот критерий другими признаками (практическими потребностями, политическими задачами и т. п.). Там, где подобная подмена допускается, по остроумному замечанию Л. С. Галесника, дело может дойти до выделения банно-прачечного права.

Важно также подчеркнуть, что отрасли права включают лишь однородные отношения и единственный метод. Они могут быть поэтому обобщены, а в воплощающих их кодексах выделяется общая часть. Напротив, отрасли законодательства включают разнородные предметы и различные методы регулирования (как хозяйственное право с вертикальными и горизонтальными отношениями и корреспондирующими им одноименными методами регулирования). Поэтому кодексы, объединяющие подобные отрасли, не просто лишены общей части, а что гораздо более существенно, непригодны к ее выделению. Это единственное возражение против теории хозяйственного права оставлено его сторонниками без видимых контраргументов. Но оно заслуживает более серьезного внимания, так как затрагивает важнейшие проблемы законодательной техники. Иногда полемически используемый французский ГК совершенно не убеждает, ибо в нем нет общей части не вследствие особенностей французского гражданского права, а потому, что французы избрали не разработанную немцами пандектную систему, а появившуюся в Древнем Риме институционную систему. Не будь этого, общая часть появилась бы во французском ГК (*Code civile*), как она была образована в Германском гражданском уложении (*BGB*).

Так обстояло дело с борьбой вокруг исходных посылок второй концепции хозяйственного права. Но...

III. Новые времена — новые нравы. Распался Советский Союз. Сперва в нем, а затем и в вышедших из него союзных республиках, которые стали суверенными государствами в составе СНГ, сформировались существенно новые взгляды, коренным образом отличающиеся от идеологии СССР. Полагаясь лишь на хорошо знакомые мне республики — Казахстан и Российскую Федерацию, должен констатировать следующее.

³ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. О системе советского права // Советское государство и право. — 1957. — № 6. — С. 101-110.

Во-первых, «социализм», или тем более «победивший социализм», как надуманная утопия исключается из всех вновь принятых законодательных актов.

Во-вторых, планирование низведено со своего пьедестала чуть ли не до нуля (при временном лишь сохранении государственного заказа для удовлетворения наиболее существенных потребностей, оставшихся без него совершенно необеспеченными).

В-третьих, как и планирование, государственная собственность ввиду ее тормозящего влияния на развитие производства была уменьшена в своем объеме вследствие приватизации и упразднения планирования.

В-четвертых, вместо обуздания экономики государственной собственностью и государственным планированием, провозглашаются свобода договоров и легализация частного права в противовес праву публичному.

В-пятых, реставрируется частная собственность, и вводится ее равноправие со всеми другими видами собственности при упразднении преимуществ, ранее установленных для государственной собственности.

Эти нововведения породили весьма иллюстративную дуэль между лидером хозяйственно-правовой концепции и одним из ее противников в начале 90-х годов на совещании в Кремле. Она выглядела по описанию очевидцев так: противник задавал вопросы, а лидер с места восклицал: я протестую! Полемика развивалась примерно по следующей модели.

Сейчас признается, что никакого социализма у нас не было. А вы что утверждали?

Планирование осуждаю как имевшее для экономики тормозящее действие. А как было по-вашему?

Подобно планированию, тормозила экономику государственная собственность, подвергаемая приватизации. А вы что предсказывали?

Провозглашена свобода договоров, отключенных от плана. А вы что отстаивали?

Реставрируется частная собственность на началах равенства с другими видами собственности. А вы о чем мечтали?

Хозяйственную деятельность будут отныне осуществлять не только организации, но и граждане. А что вы пропагандировали?

На все эти вопросы В. В. Лаптев отвечал с места возгласом протеста.

А задавал вопросы мой покойный ученик и близкий друг, талантливый ученый и первоклассный лектор, один из самых блестящих народных депутатов Российской Федерации Анатолий Александрович Собчак. Память о нем останется навсегда благодаря достигнутому им возрождению Санкт-Петербурга из появившегося в 1927 году Ленинграда. Его доброжелательные коллеги не перестанут помнить профессора Собчака, в отличие от противников, которых у него, как и у всякого большого таланта, не счесть числа. Пусть же сохранится его след в теоретической борьбе с хозяйственно-правовой концепцией, начиная с отмеченного им различия между Хейердалом и «хозяйственником» и кончая драматичной полемикой с В. В. Лаптевым.

Но вот беда: очень мало новых следов в прошлом весьма активной литературной деятельности «хозяйственников». Насколько известно, они ни разу не откликнулись на коренное идеологическое обновление. Как же быть? С кем и о чем теперь можно спорить? В поисках ответа на этот вопрос я начал тщательно изучать Хозяйственный кодекс Украины и обнаружил в нем давно пропагандируемую вторую концепцию хозяйственного права, но только измененную с точностью до наоборот. Мне не хотелось бы критиковать украинский Хозяйственный кодекс по причинам, однажды уже объясненным⁴. Я родился на Украине, жил там до окончания средней

⁴ Иоффе О. С. Право частное и право публичное // Гражданское законодательство / Под ред. А. Г. Диденко. — Вып. 20. — Алматы: Юрист, 2004.

школы в год моего 18-летия, люблю эту страну и ее остроумный музыкальный народ, который едва ли нуждается в моих советах. Но по опыту собственного участия в законотворческой деятельности знаю, что в основе этого акта лежит хозяйственно-правовое творчество. Если я ошибаюсь, пусть соответствующие ученые заявят об этом публично. Если нет, пусть ответят на мои полемические замечания. Да освободит меня законодатель Украины от осуждения. Не думаю, что он займет позицию бывшего СССР, не допускавшего критического отношения к его новым законам. За это в 1961 году поплатился мой другой близкий покойный друг профессор М. Д. Шаргородский. Тогдашний заместитель Л. Ф. Ильичева г-н Снастин устроил ему духовный разгром с потерей редактирования журнала «Правоведение» и заведывания университетской кафедрой. Небезынтересно, что в том же году Н. А. Беляев представил к защите диссертацию с предложением перевести на голод заключенных, не выполняющих нормы выработки, и был тем не менее одарен докторской степенью и заведованием кафедрой взамен М. Д. Шаргородского. Я, грешным делом, подумал, что дальше Н. А. Беляев предложит ввести газовые камеры для исполнения смертных приговоров и будет произведен в академики. К счастью, тогда ничего подобного не случилось. Но если все мои только что изложенные объяснения признаются украинскими земляками достаточными, то, надеясь на это, перейду к анализу концепции «хозяйственников» по материалам ХК Украины.

IV. Хозяйственное право и Хозяйственный кодекс. Украинский хозяйственный кодекс (ХК) открывается, как и следовало ожидать, не общей частью, обнимающей большой нормативный массив для совместного применения с институтами особенной части, а лишь общими положениями, охватывающими небольшое число статей не столько нормоприменительных, сколько общедефинитивных (определяющих). Иначе, собственно, и быть не могло, поскольку кодекс носит комплексный, а не единообразный (однородный) характер.

1. Предмет регулирования. Как указано в ст. 1 ХК, он: а) определяет основные принципы хозяйствования и б) регулирует хозяйственные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности между субъектами хозяйствования и между этими субъектами и другими участниками отношений в сфере хозяйствования.

Таким образом, ХК регулирует как хозяйственную деятельность, так и хозяйственные отношения. Попробуйте применить к любой другой отрасли права подобный двойной критерий, и у вас ничего не получится. Какую сферу деятельности обслуживает гражданское право или другие отрасли права? Они имеют дело с самыми различными сферами, но регулируют только однородные отношения. Так, гражданское право регулирует имущественно-стоимостные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Аналогичный вывод должен быть сделан относительно других дотолем существовавших отраслей права. Следовательно, хозяйственное право не только новая отрасль права. Оно отличается от других отраслей также тем, что строится на началах, вообще неизвестных построению системы права. Поэтому его и нельзя считать отраслью права, т. е. объективной его структурой, но можно рассматривать как отрасль законодательства, т. е. как часть его субъективно построенной системы.

Наряду с этим определение предмета хозяйственного права в ХК освобождено от своего ошибочного первоначального звучания: нет больше планово-хозяйственных отношений. В той мере, в какой планирование существует, оно упоминается лишь для характеристики некоторых вертикальных отношений, перестав, однако, быть решающим компонентом борьбы за образование хозяйственного права. Хозяйственно-правовые отношения продолжают подразделяться на три группы, но уже не вытекающие из системы планирования, а отличающиеся друг от друга как хозяйственно-производственные (бывшие межхозяйственные), организационные (бывшие внешнехозяйственные) и внутрихозяйственные (единственные сохранившие свою былую характеристику (ст. ст. 3-4 ХК).

Но наиболее существенной переработке подвергся самый решающий признак хозяйственного права как регулирующего только и исключительно отношения между государственными (и некоторыми другими) хозяйственными организациями. Дело не только и не главным образом в том, что расширен круг этих организаций.

Решающее значение имеет подключение к ним граждан (ст. 2 ХК). Раньше ссылка на выключение граждан была «коронным номером» в призыве к отделению от гражданского права. Теперь подобное положение исключено. Но возникают также другие вопросы.

Во-первых, в п. 2 ст. 55 ХК говорится, что субъектами хозяйственного права являются «граждане Украины..., осуществляющие хозяйственную деятельность и зарегистрированные в соответствии с законом в качестве предпринимателей». Значит, граждане, не став еще субъектами хозяйственного права, способны приступить к хозяйственной деятельности и обязаны пройти как предприниматели государственную регистрацию. Но до регистрации они еще субъектами хозяйственного права не становятся. Вместе с тем хозяйственное право не знает категории правоспособности. Тогда в каком правовом качестве граждане вправе начать осуществление хозяйственной деятельности и обладать правом, а в каком обязаны внести себя в государственный реестр? Субъектами какого права граждане являются, совершая эти действия? Видимо, субъектами гражданского права! Никакой другой предпосылки для этого нет. Отсюда следует, что гражданская правосубъектность при присоединении некоторых других основанных на ней фактов может породить хозяйственную правосубъектность, причем последняя возникает, а первая сохраняется. Не говорит ли это о том, что хозяйственная правосубъектность граждан не нужна, что они всего добиваются, опираясь на свою гражданскую правосубъектность, куда входит и правоспособность начать хозяйственную деятельность, зарегистрировав ее? А хозяйственная правосубъектность появляется после того, когда уже ничего нового с ее помощью не может быть достигнуто?

Растворение надуманной хозяйственной правосубъектности в гражданской происходит еще с большей легкостью у организаций. Пп. 1 п. 2 ст. 55 гласит: «Субъектами хозяйствования являются хозяйственные организации — юридические лица, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Украины, государственные, коммунальные и иные предприятия, созданные в соответствии с настоящим Кодексом, а также другие юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность и зарегистрированные в установленном законом порядке». Более того, согласно п. 4 той же статьи субъекты хозяйствования — хозяйственные организации, действующие на основе права собственности, права хозяйственного ведения либо оперативного управления, имеющие статус юридического лица, также признаются субъектами хозяйственной деятельности. Итак, подавляющее большинство субъектов хозяйственного права порождается гражданским правом. Почему же от гражданского права отделяется хозяйственное право? Как оно может использовать гражданско-правовое регулирование, когда образуются субъекты хозяйственного права? Чем дальше углубляешься в хозяйственно-правовую теорию, тем больше недоуменных вопросов возникает. А вот что сказано в ст. 55 ХК: «Субъектами хозяйствования признаются участники хозяйственных отношений, которые осуществляют хозяйственную деятельность, реализуя хозяйственную компетенцию (совокупность хозяйственных прав и обязанностей), имеют обособленное имущество и несут ответственность по своим обязательствам в пределах этого имущества». Напомним, что два последних признака свойственны также юридическим лицам, и только первый признак изменен: вместо организационного единства введена та же трудно уловимая компетенция.

До сих пор (и до появления докторской диссертации В. В. Лаптева) компетенцией считалась полномочность властных органов на определенные действия власти. Теперь же она переносится и на субъектов хозяйствования. К тому же прощупывается явная тавтология, соединяющая ст. ст. 1 («хозяйственные отношения ... возникающие между субъектами

хозяйствования») и 55 («субъектами хозяйствования признаются участники хозяйственных отношений»). Если бы нечто подобное сказали цивилисты, В. К. Мамутов обвинил бы их в «понятийно-правовой эквилибристике». Но без эквилибристики не обойтись в стремлении отсечь хозяйственное право от права гражданского. Не писать же «хозяйственная правоспособность» подобна правоспособности гражданской! Лучше хозяйственная компетенция.

Но позвольте! Общеизвестно, что правосубъектность, а значит и компетенция, должна быть стабильной, а приобретаемые на ее основе права и обязанности всегда мобильны, не так ли? Оказывается, не так. Раз компетенция никакая не способность, а «совокупность прав и обязанностей», которые непрерывно приобретаются и прекращаются, то она динамична и никогда не равна самой себе.

Ну, а как быть с компетенцией как категорией власти? А никак. То другая компетенция. А вот хозяйственную компетенцию, так то уж мы написали. Не напоминает ли это некоего литературного героя? Как две капли воды! Но только литературный герой никогда не создавал хозяйственного права.

И наконец. Как уже говорилось, в качестве признака вышестоящего органа в вертикальных отношениях компетенция не выдает своей несообразности, отражая соответствующие управленческие (властные) полномочия, а не хозяйственные права и обязанности. Но какая компетенция может быть у цеха, который никем (да и ничем) не управляет? И положение вовсе усугубилось, когда участниками хозяйственных отношений стали граждане. Они тоже компетентны? В каком смысле — в смысле «компетентные», т. е. понимающие дело? Или в смысле обладания хозяйственными правами и обязанностями? Бывает же брак созданием супружества и образованием дефектов! Почему не может быть компетенции различного смысла?

Ну да, как ни крути, компетенция граждан не более, чем сапоги всмятку. И поскольку ее нет и быть не может, а граждане объявляются субъектами хозяйственного права, сформулировать общее понятие правосубъектности для всего хозяйственного права невозможно.

2. *Закон и учебник.* Закон состоит из статей, выражающих нормы права: гипотезы, диспозиции и санкции. Учебник об этом же законе состоит из понятий и объясняющих или обосновывающих их аргументов. Если учебник состоит из статей и норм, а закон — из понятий и аргументов, они меняются местами: закон становится учебником, а учебник воспроизводит закон. Учитывая эти элементарные различия, приходится констатировать, что в большом числе случаев ХК перестает быть законом и формируется понятиями по образцу учебника.

Начнем со ст. 5, посвященной конституционным основам правопорядка в сфере хозяйствования. Она написана словами: «Правовой хозяйственный порядок в Украине формируется на основе оптимального сочетания рыночного саморегулирования экономических отношений субъектов хозяйствования и государственного регулирования макроэкономических процессов». Если бы я даже продолжил цитировать эту фразу до конца, в ней не появилось бы ни щепотки права, разве что при упоминании конституционного требования ответственности государства перед человеком. А дальше перечисляются конституционные основы хозяйственного порядка. Но если эти основы конституционны, значит, они предусмотрены Конституцией Украины. Зачем же переписывать их в Хозяйственном кодексе? То же самое следует сказать и о ст. 6 ХК, говорящей об общих принципах хозяйствования. Право появляется только в ст. 7, трактующей нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности. Но и здесь лишь перечисляются все виды существующих в республике нормативных актов — от кодекса до актов местного самоуправления и «других нормативных актов». Можно, конечно, понять желание составителя «подправить» хозяйственно-правовую концепцию и откликнуться на коренной перелом, который начался во второй половине 80-х годов. Но для этого нужно переосмыслить теорию хозяйственного права, а не переполнять кодекс неправовым материалом. Некоторый

уклон в сторону права замечается в ст. 8, различающей государственные органы или органы местного самоуправления, когда они выступают в нормотворческой сфере или как субъекты хозяйствования. Но это должна делать Конституция, а не Хозяйственный кодекс. И уже не только не уместны в кодексе, но и опасны ст. ст. 9-10, затрагивающие основные направления экономической политики государства, а также прогнозирование и планирование экономического и социального развития. Следует напомнить составителю этих статей, что было время, когда в СССР объявляли право орудием политики. Но очень скоро подобные воззрения были отвергнуты, так как они могли повлечь отказ от применения правовых норм ввиду их несоответствия политике. А «хозяйственники» пошли дальше, провозгласив 13 видов политики (структурно-отраслевая, инвестиционная, амортизационная и др.) и возведя их в правовые нормы об основных направлениях экономической политики (ст. 10 ХК). Но, в отличие от теоретических концепций, правовые нормы должны строго соблюдаться при подчинении текущих норм основным. Понимали ли создатели подобных основных норм, какие шлюзы беззакония они открыли, не говоря уже о прогнозировании, которое еще недавно обещало в недалеком, уже прошедшем, будущем победу коммунизма. Не выдерживает проверки и планирование, как некая основная норма, учитывая его современное положение. А после формулирования всех этих норм идет перечисление и объяснение приемов регулирования хозяйственной деятельности — лицензирование, патентование и другие, которые либо более тщательно отражены в других законах (например, гражданских), либо вообще имеют отношение не к законам, а к экономической или иной теории.

Недостатки, отмеченные выше, встречаются и во многих других частях Хозяйственного кодекса. Читатель легко обнаружит их сам, полагаясь на ориентиры, очерченные ранее.

3. *Отдельные замечания по разным главам.* Зачастую составители кодекса забывают о границах хозяйственного права, определенных в том же кодексе ими самими. Нередко это происходит вследствие проводимой ими перестройки системы права, сложившейся ранее и унаследованной другими странами СНГ, которые существовали в прошлом как республики Советского Союза. Дело в том, что до выделения хозяйственного права общие нормы о правовом режиме имущества формулировались в гражданских кодексах в соответствии с Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. После принятия ХК в Украине больше нет такой отрасли права, а без общих категорий, выраженных в общих нормах, зачастую не обойтись и при формулировании определенных специальных правил. Возьмем в качестве примера норму об основаниях возникновения имущественных прав и обязанностей. Соответствующие основания для субъектов хозяйствования представлены в ст. 144. П. 1 этой статьи устанавливает, что имущественные права и обязанности такого рода возникают по сделкам, предусмотренным законом, а также по сделкам, не предусмотренным законом, но не противоречащим ему. Например, ХК не предусматривает договора купли-продажи. Но невозможно представить себе хозяйственную деятельность без этого договора. Ст. 265 ХК говорит только о поставке как хозяйственном договоре о возмездной реализации имущества. А как быть с эпизодическим приобретением продуктов производства для хозяйственных нужд? Этот случай обходится молчанием. Но у него отсутствуют некоторые необходимые признаки поставки, хотя имеются все признаки хозяйственного договора. Как регулировать основанные на нем отношения? Считать его поставкой, не предусмотренной ХК? Тогда согласно п. 6 ст. 265 он подчиняется соответствующим положениям ГК Украины. Выходит, что в каком-то объеме хозяйственные отношения регулируются гражданским правом, и этот объем странным образом определяется Хозяйственным кодексом. А может быть лучше считать названный договор хозяйственной куплей-продажей? Но такого понятия нет в ХК. Значит, нужно рассматривать его как общее понятие поставки для всех отраслей права? Или определить его природу по ГК с переносом регулирования возникших отношений в ХК согласно п. 1 ст. 144? При любом решении общее для хозяйственного и гражданского права значение имеют положения хозяйственного права.

Аналогичная ситуация встречается также во многих других случаях, но я взял очевидный случай, и чтобы улучшить дело, нужно отказать хозяйственному праву в купле-продаже, хотя экономически купля-продажа стоит и за поставкой, и за договором купли-продажи. Такую коллизию критики хозяйственного права не могли предугадать даже во времена самой острой дискуссии с хозяйственно-правовой концепцией. Но они предсказывали другое: многообъемное дублирование гражданско-правовых норм в хозяйственном праве с весьма незначительными хозяйственно-правовыми оттенками — это положение подтвердилось сполна.

Возьмем раздел III ХК «Имущественная основа хозяйствования». Он начинается главой 14 «Имущество субъектов хозяйствования», в которой обычным цивилистическим языком говорится о праве собственности, праве хозяйственного ведения и праве оперативного управления. Все эти категории были введены гражданским законодательством. Теперь же они становятся также категориями хозяйственно-правовыми.

Это дублирование при создании хозяйственного права неизбежно, но оно, тем не менее, не перестает быть дублированием. К указанной триаде, однако, добавлен четвертый компонент — право оперативного использования имущества. Это дотоле неведомое право подразумевает правомочие обособленного подразделения (структурной единицы) хозяйственной организации по использованию предоставленного ему имущества (ст. 138). Под такое общее обозначение подойдет и цех, а не только филиалы, представительства и другие, упоминаемые в дальнейшем подразделения. Что означает подобное использование? А то, что оно и не управление, и не ведение. Почему же оно называется «оперативным», и даже «правом»? Правом его не назовешь, ибо его субъект только подразделение, хотя и отдельное. Все дело в стремлении выстроить в один ряд ведение, управление и использование, чтобы отразить их общим понятием, хотя первое и второе предоставляются юридическим лицам, а третье имеет дело с подразделением юридического лица.

Пойдем дальше. IV раздел посвящен обязательствам. Здесь уже только две группы обязательств — имущественно-хозяйственные и организационно-хозяйственные. Они устанавливаются: *первые* — между управленческими организациями и подчиненными обособленными подразделениями; *вторые* — между субъектами хозяйствования — юридическими лицами (п. 2 ст. 173). Определение первых читатель с чувством юмора не сможет читать без улыбки. Послушайте. П. 1 ст. 176: «Организационно-хозяйственными признаются хозяйственные обязательства, возникающие в процессе управления хозяйственной деятельностью между субъектом хозяйствования и субъектом организационно-хозяйственных полномочий, в силу которых обязанная сторона должна осуществлять в пользу другой стороны определенное управленческо-хозяйственное (организационное) действие..., а уполномоченная сторона имеет право требовать от обязанной стороны выполнения ее обязанности». В перечне обязанных фигурируют собственники имущества, на котором основывается данный субъект, или органы государственной власти и местного самоуправления, наделенные хозяйственной правосубъектностью относительно этого субъекта. Значит, орган власти или местного самоуправления *не вправе, а обязан* управлять, подчиненный же ему субъект *не обязан* подчиняться, а *вправе* требовать от него управления! Помните: «Велика и обильна земля русская, а порядку в ней нет. Приходите править нами». А начнете править, будем требовать от вас исполнения вашей обязанности. Ведь мы, а не вы, уполномоченные. Происходит так из-за того, что определение хозяйственной обязанности по традиции ориентировано на цивилистическую трактовку, и вместо претерпевания подчиненным говорится о требовании к управителям. Немецкий цивилист Иеринг, упоминавшийся ранее, как-то написал книгу «*Scherz und Ernst in der Jurisprudenz*» (Смешное и серьезное в праве). Жаль, не дожил до нашего времени. То-то бы ему подбросили смешного! А в денежных обязательствах, говорится в ХК, уполномоченный — кредитор, а обязанный — должник. Значит: объединение управляет как должник, а предприятие подчиняется как кредитор. Это особенно хорошо звучит в денежных обязательствах, например, в отчислениях,

которые предприятие платит объединению: плательщик — кредитор, а получатель — должник.

Будем надеяться, что это просто ляпсус, и пока долговечность ХК не установлена, не стоит торопиться с его изменением.

А дальше идут хозяйственные договоры, либо переписанные из гражданского права, либо взятые из других нормативных источников. Но этот участок ХК совершенно исключителен благодаря ч. 2 п. 1 ст. 175, где признается, что «имущественные обязательства, возникающие между участниками хозяйственных отношений, регулируются Гражданским кодексом Украины с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Кодексом». Это уже не уступка. Это капитуляция. Ничто так подробно не представлено из гражданско-правовых институтов в ХК, как хозяйственные обязательства и хозяйственные договоры. Главные аргументы против хозяйственного права цивилисты почерпнули оттуда. Теперь эти обязательства возвращены гражданскому праву, так сказать по принадлежности. Ну что же. О праве собственности или о юридических лицах нет смысла спорить с «хозяйственниками». Эти проблемы плохо отражены и в их теории, и в Хозяйственном кодексе. Тут же они забыли ликвидировать два своих самых существенных обещания: устранить множественность источников хозяйственного законодательства (эти разделы пестрят отсылками к текущему законодательству) и изъять из ГК все его хозяйственно-правовые правила (ГК должен их теперь сохранить, ибо все обязательства, включая хозяйственные, а также проблемы юридических лиц и права собственности будут им регулироваться).

Нормами об ответственности и оперативно-хозяйственных санкциях завершаются регулятивные правила ХК. При этом нормы об ответственности скопированы преимущественно из ГК, а оперативно-хозяйственными санкциями объявляются те, которые применяются в особом порядке (например, самими контрагентами), но могут быть обжалованы в суде (главы 26-27). Зачем их перемещать в ХК, если имущественно-хозяйственные обязательства остаются в ГК, понять невозможно. Ведь дублирование других отраслей права несколько не обогащает систему права, а только осложняет ее. К тому же общая проблема охраны прав освещена в ХК с большими пробелами, а регулирование ответственности в различных отраслях хозяйственной деятельности заменяется многочисленными казуистическими институтами. Тщетно искать виндикационный и негаторный иски при всей их важности для защиты права собственности и других вещных прав. Что же касается оперативно-хозяйственных и штрафных санкций, то они есть и в ГК под другим наименованием, и выделены в ХК едва ли не исключительно в целях увеличения хозяйственно-правовой акцентации.

Мои замечания к ХК не затрагивают многих его норм. Для этого нужно было бы написать полнообъемный комментарий. Но это выходило бы за пределы моей задачи, состоящей в том, чтобы показать отсутствие всякой нужды в издании ХК, наряду с ГК, несмотря на то, что во многих случаях они должны применяться параллельно, а иногда ХК вовсе не выступает как регулятор своих отношений.

Однако дискуссия о хозяйственном праве заняла почти столетия. Обе стороны высказали множество разнообразных суждений. Было бы целесообразно проверить, как они отразились на кодификационной практике, обращенной к хозяйственному праву.

Я возьму для ответа свою собственную статью, опубликованную в 1972 году в № 6 журнала «Правоведение»⁵, и с некоторым сокращением помещу ее здесь, чтобы судить о том, в какой мере «хозяйственники» откликнулись на критику, перенеся свою концепцию из теории в ответственную сферу практики — в сферу кодификации.

Правовые исследования, как, впрочем, и иные теоретические поиски, обнаруживают свое высшее воплощение в закрепляющих их выводы научных понятиях. Как ни многообразны

⁵ Иоффе О. С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. — 1972. — № 6. — С. 103-115.

выполняемые этими понятиями конкретные функции, они концентрируются преимущественно вокруг задач двоякого рода: отразить предмет исследования в его познанных пределах и быть инструментарием постоянного расширения уже достигнутых пределов его познания. Очевидно, например, что как понятие отрасли не только отражает внутреннее членение системы права, но и обязывает к раскрытию ее отдельных структурных элементов, понятие системы права, в свою очередь, не только констатирует внутреннее единство этих элементов, но и ориентирует на исследование каждого из них под углом зрения такого единства.

Правильно образованное, подлинно научное понятие обладает также и самодовлеющей ценностью. Но его всесторонняя значимость проявляется лишь с того момента, когда оно начинает функционировать в качестве одного из звеньев научно-понятийного аппарата, представляющего собой не конгломерат понятий, не их арифметическую сумму или неупорядоченную совокупность, а единый четко налаженный механизм, стройную, во всех своих подразделениях согласованную систему, координированную в одних и субординированную в других образующих ее составных частях.

Координационные связи устанавливаются между такими научными понятиями, которые, не перекрещиваясь друг с другом в логическом объеме, выступают как однородные по характеру отражаемых в них объектов, а потому могут быть объединены на базе более широких обобщений. При этом равновеликость логических объемов сопоставляемых понятий обуславливает их прямую, а разновеликость — косвенную координацию. Поскольку, например, понятия административного проступка и уголовного преступления как общеотраслевые равновелики по объему, а как однопорядковые объединимы в категории правонарушения, они находятся в отношениях прямой координации. Напротив, понятия административного проступка и преступления против личности состоят в отношениях косвенной координации, ибо их объемы разновелики, и они могут стать соизмеримыми лишь после того, как общеотраслевой категории административного проступка внутриотраслевое понятие преступления против личности будет противопоставлено через отраслевую же категорию уголовного преступления.

Субординационные связи также предполагают однородность понятий по характеру отражаемых ими объектов. Но они либо перекрещиваются в объемах, и тогда возникает логическая субординация, либо, оставаясь вне объемного взаимопересечения, выполняют служебную роль одно по отношению к другому, и тогда возникает субординация функциональная. Наиболее привычна благодаря своей повседневной обиходности логическая субординация, сообщающая о себе всякий раз, когда сопоставляются видовые и родовые понятия, например правовой и социальной нормы или гражданского и вообще правоотношения. Сравним, однако, такие явления, как правосубъектность и представительство. Представительство не составляет вида правосубъектности и не восходит к ней как к своему ближайшему или более отдаленному роду. Но в определенных обстоятельствах правосубъектность реализуется через представительство, а представительство при всех условиях обслуживает реализацию правосубъектности. Поэтому и его понятие опирается на правосубъектность как на свою исходную категорию, хотя в смысле логического объема не уступает этой категории ни в малейшей степени. Но строится ли субординационная связь как логическая или функциональная, она, подобно связи координационной, тоже бывает прямой и косвенной. Все зависит от того, примыкают ли взаимосвязанные понятия друг к другу непосредственно или разделены определенными промежуточными звеньями. Нет никаких сомнений в том, что с общей категорией социальной нормы понятие юридической нормы состоит в прямой, а понятие отраслевой нормы — в косвенной логической связи. С не меньшим основанием можно утверждать, что к категории правосубъектности от понятия представительства ведет прямая, а от понятия полномочия представителя — косвенная функциональная связь.

При выработке научных понятий важно не только соблюсти требования, предъявляемые к их образованию, но и безошибочно определить место, отводимое вновь созданному понятию в

общем понятийном аппарате данной науки или системы наук. Неправильно образованное понятие вовсе не работает. Но оно не работает само по себе, не вызывая аритмии в функционировании всего научно-понятийного аппарата. Когда же допускаются погрешности в установлении координационных или субординационных связей между двумя или несколькими понятиями, это сказывается как на понимании каждого из них в отдельности, так и на соединенном использовании целой их совокупности.

В цивилистической науке фундаментальное значение имеют три центральных ее понятия: правосубъектность, право собственности, обязательство. Между понятиями права собственности и обязательства существует прямая координационная связь, проявляющаяся в общей для них категории гражданского правоотношения. В косвенной координационной связи с ними состоит понятие правосубъектности, превосходящее их по масштабам обобщения и находящееся на том же уровне абстракции, что и категория гражданского правоотношения. Вместе с тем каждое из перечисленных понятий находится со многими другими в субординационной связи — логической или функциональной. Первая может быть проиллюстрирована такими логическими рядами, как: субъект гражданского права — юридическое лицо; право собственности — право государственной собственности; обязательство — договорное обязательство. В этих рядах соотношение рода и вида выражено с такой выпуклостью, что едва ли нуждается в каких-либо комментариях. Вторая, функциональная, субординация может быть проиллюстрирована такими парными сочетаниями, как: правосубъектность — представительство; право собственности — право оперативного управления; обязательство — ответственность за его неисполнение. Право оперативного управления в такой же мере не является видом права собственности, а ответственность за неисполнение обязательства видом самого обязательства, в какой представительство не может иметь видового значения для правосубъектности. Но поскольку в пределах государственного имущества право собственности в большем или меньшем объеме реализуется посредством права оперативного управления, а реализации обязательств содействуют меры ответственности, установленные на случай их неисполнения, между выражающими эти явления понятиями складывается функциональная связь, основанная на служебном подчинении одного из них другому.

Практическое значение охарактеризованных связей трудно переоценить. Даже не выверяя правильности вновь вводимого понятия по существу, можно с уверенностью констатировать его ошибочность или недоработанность, как только выясняется, что оно лишено координационных или субординационных связей с теми теоретически и эмпирически апробированными категориями, к которым это понятие тяготеет по самому своему содержанию. Что дело обстоит именно таким образом, нетрудно убедиться, подвергнув проверке с помощью указанного критерия некоторые из предпринимавшихся попыток оснастить дополнительными новыми понятиями категории правосубъектности, права собственности и обязательства.

К субординационному логическому ряду «субъект права — юридическое лицо» было предложено присоединить еще одну логическую рубрику — внутрихозяйственное юридическое лицо как субъект права с ограниченной правоспособностью. И если юридическое лицо — это хозяйственное предприятие, то внутрихозяйственное юридическое лицо — это цех, участок или аналогичное другое внутреннее звено предприятия⁶.

Известно, однако, что юридическое лицо — субъект гражданского права. Как таковое оно способно быть носителем субъективных гражданских прав и обязанностей. А раз внутрихозяйственное — это тоже юридическое лицо, но лишь с ограниченной правоспособностью, оно должно соотноситься с «полным» юридическим лицом как вид с родом и, таким образом, состоять с ним в отношениях логической субординации. Тем самым проливается свет и на тайный

⁶ См.: Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 10. — М., 1967. — С. 130.

смысл приписываемого внутренним звеньям предприятия свойства ограниченной правоспособности.

Такое свойство означает не что иное, как способность обладать хотя и не всеми, но уж во всяком случае отдельными правомочиями и обязанностями из числа доступных предприятию как юридическому лицу в общепринятом его понимании.

И как только это становится очевидным, так сразу же выясняется беспочвенность самого новообразованного понятия: внутрихозяйственных юридических лиц не бывает уже потому, что ни одно гражданское право и ни одна гражданская обязанность никогда не принадлежали и не могли принадлежать *отдельному* подразделению предприятия.

Но если рассматриваемая концепция не выдерживает критики с точки зрения логической, то, быть может, она оправдана в плане функциональной субординации, или если не субординации, то, по крайней мере, координации соответствующих понятий? Поскольку внутренним звеньям закрыт доступ к внешним отношениям, в которых реализуется юридическая личность предприятия, функциональная субординация понятий «полного» и «внутрихозяйственного» юридического лица мыслима не в большей степени, чем логическая. Что же касается координационной связи, то, не говоря уже о ее несовместимости с реальным соотношением таких образований, как цех и предприятие, она не согласуется с самой идеей противопоставления лица, действующего «вовне» с полнообъемной правоспособностью, субъекту, функционирующему лишь «внутри» и только с ограниченной правоспособностью.

Наряду со стремлением продолжить логический ряд «субъект права — юридическое лицо» по нисходящей линии, были сделаны шаги к тому, чтобы удлинить его также в восходящем направлении. Этой цели подчинено понятие компетенции хозяйственного органа в том виде, в каком его конструировал В.В. Лаптев. В работе, освещающей названное понятие, сперва говорится, что правосубъектность хозяйственных органов «выражается в компетенции, под которой понимается совокупность прав и обязанностей в различных областях деятельности»⁷. Но если правосубъектность равна компетенции, а компетенция — совокупности прав и обязанностей, то последние и есть не что иное, как самая правосубъектность. Вывод довольно неожиданный, учитывая, что он не сопровождается и словом сомнения относительно общепризнанной обрисовки правосубъектности как предпосылки (возможности), но отнюдь не реальности (действительности) правообладания.

Будем, однако, считать, что приведенная фраза не более чем случайная обмолвка, устраненная последующим прямым указанием на то, что компетенция шире правосубъектности и что она «включает как обладание правами и обязанностями, так и возможность обладания ими, т. е. правоспособность»⁸. В таком случае компетенция выступает как родовое понятие, в логической субординации с которой состоят подчиненные ей видовые понятия. Но это было бы возможно лишь при условии, что сами видовые понятия связаны прямой координацией как равновеликие по степени достигнутого ими обобщения.

Ничего подобного в рассматриваемом построении не наблюдается, ибо оно соединяет, с одной стороны, *все* формы проявления правоспособности и, с другой, *далеко не все*, а только «определенные», существующие вне правоотношения, да и то лишь некоторые, но не любые вообще вне правоотношения находящиеся субъективные права и обязанности⁹. Это означает, что один из составных элементов компетенции (правоспособность) находится на уровне вида, а два других («определенные» права и обязанности) на уровне части вида. Между ними мыслима, следовательно, лишь косвенная, но не прямая координационная связь, а тем самым непосредственное их выражение в компетенции как едином родовом понятии исключается с самого начала.

⁷ Хозяйственное право. Изд. 2-е. — М.: Юридическая литература, 1970. — С. 41-45.

⁸ Там же. — С. 46.

⁹ См.: Лаптев В. В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. — С. 40.

С точки зрения логических принципов образования научных понятий, несомненно, предпочтительнее путь, по которому шел А. В. Венедиктов, объединявший в компетенции все виды правосубъектности хозоргана¹⁰. Но если правильный вывод нуждается в надлежащем понятийном закреплении, то неудачно сформированное понятие не способно выразить правильный вывод. Это может быть сказано с таким же основанием о компетенции, сводимой к сочетанию правоспособности с некоторыми правами и обязанностями, как и о юридическом лице, не выходящем за рамки внутривладельческих отношений и обладающем ограниченной правоспособностью.

Обратимся теперь к парному сочетанию «право собственности — право оперативного управления». Точнее, не к парному, а трехчленному сочетанию, ибо, ввиду неприменимости права оперативного управления к собственности граждан, оно находится в непосредственной связи с правом государственной собственности и только через него, косвенно, соприкасается с правом собственности вообще.

Право оперативного управления характеризуется не только тем, что включает в свой состав правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, предоставляется юридически обособленным от собственника организациям и осуществляется последними в соответствии с целями их деятельности. У него имеется еще одно, и притом наиболее существенное, качество, состоящее в выполнении роли орудия реализации права собственности.

Это качество прямо закреплено в самом законодательно выраженном понятии права оперативного управления. Как сказано в ч. II ст. 21 Основ гражданского законодательства 1961 г., «государственное имущество (курсив наш. — О. И.), закрепленное за государственными организациями, состоит в оперативном управлении этих организаций...». Это как раз и позволяет утверждать, что право оперативного управления непосредственно примыкает к праву собственности, реализации которого оно служит, и связано с ним прямой субординацией функционального порядка.

Теория внутривладельственного оперативного управления не оставляет впечатления достаточной завершенности. Но если отдельные пробелы не исключены в любом юридическом построении, то, по крайней мере, на два вопроса авторы этой теории были обязаны ответить уже в момент ее выдвижения.

Первый вопрос связан с природой правомочий владения, пользования и распоряжения, с тем, что эти правомочия при всех обстоятельствах, хотя и не всегда в одинаковом объеме, обнаруживают абсолютное действие: служит ли их основанием право собственности или оперативного управления, договорное или иное субъективное право. Понятно, что, будучи внутренними звеньями предприятия, цех или другое его подразделение неспособны к обладанию абсолютными правами, предполагающими установление не просто внешних, но и необозримых в своей численности отношений такого рода. Каким же образом эта способность у них появляется применительно к внутривладельственному праву оперативного управления? Или, быть может, владение, пользование и распоряжение приобретают здесь иной смысл, чем выраженный в законе? Но ведь указание в законе на соединение трех правомочий в составе предусмотренного им права как раз и привело к идее образования его внутривладельственной модификации! А если для объяснения сути такой модификации эти указания непригодны, то не выявляется ли тем самым отсутствие у рассматриваемой теории вообще каких бы то ни было легальных оснований?

Для такого предположения тем больше поводов, что, не покинув почвы закона, невозможно дать удовлетворительный ответ и на второй весьма существенный вопрос, касающийся уже природы самого права оперативного управления. Закон определяет это право не просто как совокупность трех правомочий, но как такую совокупность, которая в качестве производной от

¹⁰ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. — С. 613.

права собственности служит его непосредственному осуществлению. Приспособлено ли к выполнению этой функции внутрихозяйственное право оперативного управления, если даже не ставить его возможность под сомнение ввиду несовместимости обладания абсолютными правами с участием лишь в относительных правоотношениях? Тут, собственно, и спора никакого нет, так как в самом изложении теории внутрихозяйственного управления последнее производится не от права собственности, а от права оперативного управления, принадлежащего предприятию, и предназначается для непосредственного обслуживания этого последнего, но отнюдь не права собственности. А в таком случае, как ни истолковывать приурочиваемые к внутренним звеньям предприятия владение, пользование и распоряжение имуществом, какой особый смысл в них ни вкладывать, ни внутрихозяйственного, ни какого-либо другого права оперативного управления вывести из них не удастся.

Понятие внутрихозяйственного оперативного управления не выдерживает испытания и на понятийно-системную определенность. Дело в том, что родовая категория не может быть выработана никаким иным путем, кроме обобщения находящихся в координационной взаимосвязи видовых понятий, тогда как внутрихозяйственное оперативное управление производно «...от права оперативного управления предприятия и выступает как способ осуществления последнего»¹¹.

Они пребывают, следовательно, не в координационной, а в субординационно-функциональной зависимости, исключающей сведение их в единую родовую категорию.

Это и понятно, так как если функционально зависимое от права государственной собственности право оперативного управления не может одновременно само стать правом собственности, то правомочия внутренних звеньев предприятия, аналогично соотносясь с его правом оперативного управления, не могут быть одновременно возведены в ранг, хотя и внутрихозяйственного, но столь же самостоятельного одноименного права.

Да и сама функциональная зависимость правомочий внутренних звеньев от предоставленного предприятию права оперативного управления существенно иная, чем та, которой последнее связано с правом собственности. Основы 1961 г. определяли право оперативного управления как юридически отделенное от права собственности и потому персонифицируемое лишь в организациях, юридически обособленных от собственника. Напротив, внутреннее подразделение предприятия — его часть, а не отдельная организация, часть, обладающая правами внутри целого, но не обособленно от него. А там, где такого обособления нет, возможны разнообразные правовые феномены, за изъятием того, который в законе именуется правом оперативного управления.

Это и имеют в виду, когда говорят, что субъектом такого права способно быть лишь юридическое лицо как возможный участник товарно-денежных отношений. Приурочение того же права было бы излишне и к обособленной организации, когда речь идет об имуществе, не включаемом в товарный оборот.

Нельзя также не видеть прямой связи между перечисленными вариантами этого права и аналогичным видовым подразделением хозяйственных обязательств.

Первый лежащий в основе такого подразделения тезис касается общего понятия обязательства. Напомнив о цивилистическом происхождении категории обязательств, И. А. Танчук предостерегает против приравнивания ее по сфере действия к обязательствам как институту гражданского права: указанный институт ограничен одними лишь гражданско-правовыми рамками, а созданная на его базе категория — «более широкое и в то же время абстрактное понятие, выражающее определенную закономерность в организации

¹¹ Там же. — С. 87.

правоотношений»¹². Проявляется эта закономерность не в содержании, а в юридической структуре обязательства: «...общая и главная специфика обязательства как правовой формы состоит в том, что это — относительное правоотношение, правовая форма связи между конкретными субъектами общественного отношения, между конкретным управомоченным и конкретным обязанным»¹³.

Предпринимавшиеся отдельными цивилистами попытки выявить специфику обязательств по их субъектному составу, содержанию и объекту свелись не более чем «к развитию, углублению, уточнению той общей идеи, что обязательство — это относительное правоотношение»¹⁴. Но тут и нет ничего удивительного, так как, по его мнению, все без изъятия гражданско-правовые связи, строящиеся по модели относительных, а не абсолютных правоотношений, являются обязательствами. Последнее утверждение неверно фактически. Соавторы, например, состоят друг с другом в относительном, однако не в обязательственном правоотношении. То же можно сказать о правоотношениях между участниками общей собственности или наследниками. Проходя мимо этих фактов и объявляя обязательство тождественным относительному правоотношению, допускается нередко встречающаяся подмена частного понятия общим.

А так как названный автор не исключает образования обязательств неимущественного характера, то подобная подмена, если ее придерживаться постоянно, ведет к признанию обязательственными всех относительных правоотношений. В сочетании со взглядом на абсолютное право, как находящееся вне правоотношения, это означало бы отождествление обязательства не просто с относительным, а с любым правоотношением вообще.

Наряду и параллельно с отмеченной тенденцией в тех же самых рассуждениях наблюдается и прямо противоположная — придание общего характера понятию, в действительности имеющему частное значение. Такова именно суть утверждения, что разработанная на базе обязательственного института гражданского права категория обязательства шире отражаемого ею института и не замыкается какой-либо одной отраслью, а «стоит как бы над системой права»¹⁵. Можно, конечно, допустить существование обязательств в недрах не только гражданского права. Но тогда должно быть образовано такое же число видовых понятий обязательства, в каком количестве отраслей права встречается явление такого рода. Если же видовое понятие гражданско-правового обязательства признавать также родовой категорией, то неизбежен вывод, что либо оно неправильно образовано, либо обязательства, выводимые за пределы гражданско-правовых, фактически являются не чем иным, как их отдельными разновидностями.

Однако такой вывод не согласуется с выдвинутым в обоснование рассматриваемой классификации вторым тезисом, который обращен уже не к обязательствам вообще, а к общей характеристике хозяйственных обязательств. Приводимые в подкрепление этого нового понятия доводы накапливаются по мере движения от хозяйственных отношений через хозяйственные правоотношения к хозяйственным обязательствам. «Хозяйственные отношения — все экономические отношения, складывающиеся в процессе воспроизводства, связанные с хозяйством»¹⁶. Но не все они признаются хозяйственными правоотношениями. Этой рубрикой обнимаются лишь такие юридически урегулированные хозяйственные отношения, которые обладают «общностью содержания (сочетание организационно-плановых и имущественных элементов) и субъектного состава (участниками их выступают не граждане, а хозяйственные органы и внутренние подразделения последних)»¹⁷. Особой разновидностью хозяйственных

¹² Танчук И. А., Ефимочкин В. П., Абова Т. Е. Хозяйственные обязательства. — М.: Юридическая литература, 1970. — С. 19.

¹³ Там же. — С. 17.

¹⁴ Там же. — С. 18.

¹⁵ Там же. — С. 19.

¹⁶ Там же. — С. 20.

¹⁷ Там же. — С. 27.

правоотношений является хозяйственное обязательство. «Это такая правовая форма хозяйственных отношений, которая обладает признаками обязательства как правовой категории, т. е. относительное правоотношение с имущественным, как правило, содержанием, обеспеченное имущественной санкцией».

Ясно, таким образом, что понятия хозяйственного обязательства и хозяйственного правоотношения соотносятся как вид с родом, причем первое находится в субординационной логической зависимости от второго, а потому должно обладать всеми признаками хозяйственного правоотношения и иметь, кроме того, свои собственные видовые особенности. Но сопоставление соответствующего родового и видового понятий таких особенностей не выявляет.

Обязательство — отношение «с имущественным, как правило, содержанием». Но это качество неотделимо и от хозяйственного правоотношения, раз для него характерно непереносимое «сочетание организационно-плановых и имущественных элементов». А в таком случае аналогичный подход применим и к хозяйственному правоотношению, раз оно не лишено имущественного содержания и, как всякое правоотношение, осуществимо в принудительном порядке. Хозяйственное правоотношение мыслимо лишь как относительное, а не абсолютное, ибо раз его участники — одни только «хозяйственные органы и внутренние подразделения последних», установление такого отношения с любым и каждым исключено, а одновременно со всеми хозяйственными органами и со всеми их внутренними подразделениями невозможно практически.

Выходит, что понятия хозяйственного правоотношения и хозяйственного обязательства сформулированы как ничем друг от друга не отличающиеся. А при тождестве двух понятий нужно либо пожертвовать одним из них, либо пересмотреть оба определения.

Наиболее пристального внимания заслуживает связанный с той же классификацией третий тезис, обращенный к группировке отдельных видов хозяйственных обязательств. В первую группу выделены товарно-денежные обязательства, «опосредствующие хозяйственные отношения товарно-денежного характера между субъектами, обладающими правами юридического лица». Во вторую группу включены внутрихозяйственные обязательства, устанавливаемые между внутренними звеньями предприятия. Эти обязательства «не имеют товарно-денежного характера... их субъекты не обладают правами юридического лица», но в их основе лежат «определенные экономические факторы, сходные с теми, которые действуют во внешних хозяйственных отношениях»¹⁸. Для показа такого сходства приведено указание Маркса, который различал обмен, не выходящий за рамки производства (обмен деятельностью или результатами деятельности), и определяемый производством, но совершаемый вне его (обмен товарами)¹⁹.

Тот и другой обмен, по мнению И. А. Танчука, «имеют общую экономическую природу, являются актами обмена независимо от того, входят или не входят они непосредственно в процесс производства»²⁰. Наконец, третья группа представлена хозяйственно-управленческими обязательствами, которые тоже лишены товарного характера, но «опосредствуют движение имущества»²¹ по каналам внешних связей путем аккумуляции планируемыми органами средств подведомственных предприятий, распределения этих и специально выделенных им средств, а также перераспределения имущества между подчиненными хозяйственными звеньями²². Их целевое назначение составляет «организация, а не осуществление хозяйственной деятельности».²³ Какое-либо экономическое сходство с хозяйственными обязательствами других видов уже вовсе

¹⁸ Там же. — С. 64.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 725.

²⁰ Танчук И. А., Ефимочкин В. П., Абова Т. Е. Хозяйственные обязательства. — М.: Юридическая литература, 1970. — С. 64.

²¹ Там же. — С. 30.

²² Там же. — С. 89-117.

²³ Там же. — С. 117.

не отмечается. Указывается лишь на сходство юридическое; обязательства этого вида также представляют собой относительные правоотношения, обладающие имущественным содержанием²⁴.

Первая группа обязательств, если следовать присвоенному ей наименованию, обладает двумя важнейшими признаками: это обязательства товарные, во-первых, и хозяйственные, во-вторых. Как товарные они объединимы с другими, нехозяйственными, но тоже товарными обязательствами. Логических препятствий к этому нет, а реальности подобного объединения не отрицает и сам автор, который признает, что в настоящее время эти обязательства «регулируются нормами действующего гражданского законодательства»²⁵. Считая такое положение ненормальным, он настаивает на том, чтобы отделить указанные обязательства от других товарных и как хозяйственные объединить их с другими нетоварными, но тоже хозяйственными обязательствами.

Дают ли, однако, для этого необходимые логические и реальные предпосылки обязательства второй и третьей групп?

Вторая группа обязательств лишена вообще какой-либо реальности, ибо если не существует внутрихозяйственного права оперативного управления, то невозможны и имущественно-обязательственные отношения между внутренними звеньями предприятия. Не следует при этом смешивать правовые отношения с конкретно используемыми методами учета и контроля. Внутренние звенья предприятия не могут вступать в правоотношения ни с кем другим, кроме как с его администрацией. Но контроль за их работой администрация обеспечивает либо непосредственно, либо через другие свои подразделения.

Последняя, третья, группа, в отличие от второй, вполне реальна, но реальна как совокупность относительных административных правоотношений, а не хозяйственно-управленческих обязательств. Двигутся ли денежные средства от предприятия к вышестоящему органу или в обратном направлении», подчиненность первого второму всегда остается одним из обязательных условий такого движения. И потому даже обязанный к предоставлению средств орган хозяйственного руководства вправе определять цели их использования, сопутствующие достижению этих целей обязательные мероприятия и т.п., как в свою очередь даже управомоченный к получению таких средств хозяйствующий субъект не может ни уклониться от исполнения данных ему предписаний, ни отказаться от самих денег во избежание необходимости совершить предписанные действия.

Возможное в этих условиях несовпадение управомоченного с предписывающим и обязанного с исполняющим предписание исключает квалификацию одного из них как кредитора и другого как должника. А там, где представлены связанные подчиненностью управомоченный и обязанный, но нет кредитора и должника, имеется административное и отсутствует обязательственное правоотношение,

Такова фактическая сторона дела, уже сама по себе устранивающая перегруппировку обязательств ввиду отсутствия реальных предпосылок, необходимых для претворения ее в жизнь. Но если бы даже не было этих фактических препятствий и все без изъятия перечисленные явления обладали приведенными И. А. Танчука к его классификации свойствами, могла бы такая классификация претендовать на достаточную логическую обоснованность?

В связи с поставленным вопросом напомним, что, помимо хозяйственного обязательства как родового признака для всех перечисленных классификационных подразделений, речь у сторонников критикуемой концепции также шла об опосредствовании обмена как признаке, свойственном двум первым и отсутствующем в третьей группе обязательств. Отсюда следует, что товарно-денежные и внутрихозяйственные обязательства находятся на одной плоскости друг с другом и в разных плоскостях с хозяйственно-управленческими обязательствами.

²⁴ Там же. — С. 116-118.

²⁵ Там же. — С. 29.

У них нет с последними прямой координационной связи, а такая совокупность не может быть выражена в родовом понятии, разве что ее классификатор откажется от некоторых излишеств в своих обобщениях и, вместо сходства товарного обмена с нетоварным, перенесет акцент на прямую их противоположность. Тогда соединение одних и противопоставление их другим видам хозяйственных обязательств по признаку обмена будут устранены. Но многие другие из числа аналогичных погрешностей тем не менее сохраняются:

- внутрихозяйственные и хозяйственно-управленческие обязательства, будучи нетоварными, противостоят тем самым как единый вид товарно-денежным обязательствам; товарно-денежные и внутрихозяйственные обязательства, опосредствующие осуществление хозяйственной деятельности, также становятся единым видом в сравнении с хозяйственно-управленческими обязательствами, посредством которых эта деятельность не осуществляется, а лишь организуется;

- хозяйственно-управленческие и товарно-денежные обязательства в качестве внешнехозяйственных приобретают благодаря этому признаку видовое значение для внутрихозяйственных обязательств.

Столь необычная подвижность рассматриваемой классификации, относящейся более или менее безразлично к любым перемещениям отдельных своих членов, уже сама по себе свидетельствует о неустойчивости избранного классификационного критерия, выражающего не сущность классифицируемых явлений, а их чисто внешние, зачастую разноплоскостные признаки. И чтобы сохранить понятие хозяйственного обязательства во всей его научной плодотворности, нужно прочность этого понятия подвергнуть проверке по всем возможным теоретическим параметрам, не исключая разнообразных классификационных систем, построенных на его основании.

Правовые явления, как и любой иной объект научного исследования, беспредельны в возможностях их познания. Но каждое отдельное отражающее познанный объект понятие логически предельно. Ненарушимость таких пределов — одно из важнейших требований науки. И от того, как это требование соблюдается, во многом зависят успехи правоведения вообще, в том числе такой существенной его составной части, как учение о юридическом лице, оперативном управлении, хозяйственных обязательствах.

Подведем итоги. С 1957 года начала складываться вторая концепция хозяйственного права. Авторы, ее сложившие, под конец создали второй вариант, противоположный их собственному, и воплотили его в Хозяйственном кодексе Украины, а потом в учебнике хозяйственного права под редакцией В. К. Мамутова²⁶.

Сопоставление указанного источника с текстом ХК не оставляет сомнений в том, где начало и где конец. Его поэтому нет нужды рассматривать после ХК, хотя едва ли возможно назвать еще один случай, когда с интервалом около 50 лет теории сперва создали концепцию, а потом опровергли ее.

Как, однако, быть с выводом Д. Кузина, предварившего ХК в самом его издании заявлением, что хозяйственное право победило? Разве что напомнить известный французский анекдот о человеке, падавшем с 20 этажа и воскликнувшем на уровне этажа 10-го: *Ca va bien* (идет хорошо), *pourvue que sa dure* (имея в виду, что это будет продолжаться).

²⁶ Хозяйственное право: Учебник / Под ред. В. К. Мамутова. — К.: Юринком-Интер, 2002.